

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**НАВАЖДЕНИЕ
ПЬЕРО**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

В оформлении титула использована иллюстрация:

© Merfin / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Наваждение Пьеро / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-188651-6

У Никиты есть все, что нужно обычному человеку, — интересная работа, любящая жена, подрастающая дочь... Но однажды на его пути встречается женщина, похожая на раненую птицу, и Никита забывает о том, что было ему дорого раньше, влюбившись в незнакомку с первого взгляда. Он готов совершать ради нее любые глупости и не боится предстать перед ней смешным. Но может ли даже самая большая любовь противостоять натиску обыденности, зависти и интригам? Что, если она — всего лишь наваждение?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-188651-6

Ему снилось, что он летит над землей на корабле. Темное от времени, просоленное дерево по-стариковски стонало, а голая мачта, казалось, цеплялась за ветер, чтобы удержаться даже не на поверхности океана, скорее — над ним. Она выглядела жалкой и бесполезной, как скелет кем-то съеденной рыбы, вот только во сне Никите не было дано узнать: кто украл его парус?

Он упустил момент, когда попытки высоких волн дотянуться до его корабля переросли в штормовое неистовство. А позднее, уже днем, подумал, что, наверное, сны просто сглатывают эти переходные состояния, ведь их время ограничено, и нужно успеть провести человека через главное: штиль — шторм. Остальным, невнятным и зыбким, наполнены дни...

Никита понимал: этот шторм придумал он сам. Просто изнемог оттого, что ничего не происходит. Тягучая мелодия жизни, похожая на заунывные звуки губной гармошки, вытягивала душу, хотя каких-то три года назад он и не замечал этой монотонности. До того момента, как одно лицо из тысячи плоских, словно нарисованных на длинном панорамном холсте, вдруг не выделилось из этой череды. Не заставило вздрог-

нуть, как море сотрясается от подземного толчка, за которым следует такая волна, какой никто и не ждал.

Оказалось, он просто не рассчитал свои силы. Подспудно желая, чтобы все в нем наконец всколыхнулось и задышало совсем в другом ритме, Никита и представить не мог, что этот ритм окажется сумасшедшим до такой степени. Он всего лишь хотел немного встряхнуться, а его вывернуло наизнанку... Теперь он не узнавал себя.

Долетавшие снизу брызги намочили его рубашку, такую, каких Никита никогда не носил, — черную, шелковую, с просторными рукавами. Она оказалась не застегнутой, просто заправленной в брюки, и волосы на груди тоже покрылись капельками. Этого не могло быть, но Никите чудилось, что он каждым волоском ощущает ледяной бисер, который его самого превращал во что-то другое, продолжая череду изменений. Чем она могла закончиться?

Возбужденные вопли чаек проникали прямо в его кровь и растекались в ней толчками, будто все еще подгоняемые взмахами крыльев. В их движениях чувствовалось нарастающее отчаяние, которое грозило довести до кипения даже его разум. Впрочем, может быть, это уже произошло...

Содрогнувшись от такой догадки, Никита наспех вытер лицо влажным рукавом, и это прикосновение, приснившееся, но такое осязаемое, оставившее на коже ощущение солоноватой прохлады, заставило его подумать, что и пригрезившееся безумие реально лишь наполовину. Но, не проснувшись, Никита не мог понять, что именно неправда: то, что оно случилось с ним, или же то, что его удалось избежать?

«Я не позволю ему справиться со мной!» — протестующе крикнул он и проснулся от своего голоса, ко-

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

торый прозвучал только внутри него, но так громко, что сумел разбудить.

А может, это сделал ветер, который сдуру ворвался в комнату, хотя в его распоряжении был огромный мир. Он быстро понял, что угодил в замкнутое пространство, где особенно не разгуляешься, и с лихорадочностью больного клаустрофобией полез в маленькую форточку. Попутно зацепил штору, и она выгнулась парусом, прижалась к стеклу так страстно, что даже оно, холодноватое и бесполое, не могло не отозваться. Но его ответное движение, если оно и было, тут же спугнула ваза с сиренью, сбитая неосторожным порывом. Она бесцеремонно звякнула хрустальным боком о стекло, требуя в первую очередь спасти именно ее. И Никита спросонья именно за вазу и схватился, еще не вспомнив, что в ней вода, просто инстинктивно отозвался на вопль о помощи.

Только закрыв форточку, он сообразил, что эту ночь, первую после пятидесяти предыдущих, проводит дома. Правда, не в том доме, где прожил последние пятнадцать лет, но вот здесь, в этой самой комнате, оставалось его детство и то время, когда молодость, казалось, еще только начинается. Никита почти не помнил, каким был тогда, осталось только ощущение предчувствия чего-то необычного, потрясающего, что должно было с ним произойти...

Зато он хорошо помнил разные мелочи, детские безделушки: диковинные брелоки, несколько ножицков, марки с репродукциями картин, значки с символикой Московской олимпиады — главного события его юности. Ему не нужно было даже поворачивать голову, чтобы увидеть светлокожий книжный шкаф, на узкой стенке которого был навечно приклеен ка-

лендарь тех же времен с олимпийским Мишкой. На прогнувшихся от времени полках мирно соседствовали Юрий Казаков и Генри Миллер, некогда поразивший Никиту не своим тоскливым цинизмом, а откровением на счет возбуждающего, почти развращающего действия фортепианной музыки. Когда его самого скрутила черно-белая страсть, Никита сразу вспомнил страницы о грехопадении при соучастии Черни. Только в его случае потрясать кулаками следовало у надгробия Листа...

Среди пластинок — виниловых, теперь ставших почти реликтовыми, — Листа не было. Следы юности оказались не так уж и глубоки, в них прочитывались другие имена — Адамо, Легран, Высоцкий, Дассен... Они тоже легко уживались и в нем самом, и в его маленькой комнате, выкрашенной матерью в цвет персика. Наверное, ей хотелось, чтобы ее сыну спалось сладко и сны его были радостными.

Теперь она ничего не могла поделать с тем, что ночами за ним является деревянный корабль без парусов, похожий на подгнивший гроб, который неумный шутник столкнул в воду. Никита подозревал, что сам и был этим шутником.

Выйдя из психиатрической больницы, он, ничуть не колеблясь, отправился к отцу. Его не оставляло ощущение, что пойти больше некуда, хотя знал, что и Таня, и дочка его ждут. А теперь, стоя босиком у темного окна, за которым стонал и рвался куда-то некто огромный и беспомощный в своей ярости, Никита и сам ощущал похожую беспомощность. Он растерянно спрашивал себя, что делает здесь, как удивлялся бы любой человек, обнаруживший среди ночи над собой не тот потолок, который привык видеть, открывая глаза.

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

Никита впервые заинтересовался:

«А тебе сколько лет?»

У Алеши как от нервного тика задержалось лицо — узкое и землистое, словно у приютского мальчика.

«Двадцать три», — не сразу ответил он.

Никита попытался свести все к шутке:

«Значит, и ты уже жить не можешь без своей книги?»

«Не могу», — подтвердил он с той сумрачной серьезностью, которая могла бы насторожить Никиту, но этого не случилось. У него было слишком идилическое отношение к «Богеме»...

Подержав обветренными губами, с которых так и хотелось содрать мелкие корочки, Алеша с раздражением добавил:

«Только мне пока издать нечего, сами знаете... А спонсоров я нашел бы. Я знаю, как уговорить».

Может быть, если бы тогда Никита пересилил себя и сказал что-нибудь неискреннее, но ободряющее, с ними обоими ничего не случилось бы...)

«Если б дело было только в краже, — перевернувшись на спину, сказал он с детства знакомой сетке трещин на потолке. — Да плевать бы я хотел на эту книгу, если б она не была тем единственным, с чем я могу прийти к Лине... Что я представляю собой без этой книги, ей посвященной? Каждая строчка пропиталась ее дыханием... Без нее и не ожила бы. Ритм любой строфы был задан частотой взмахов ее руки над клавишами... Без Лины этих стихов просто не было бы. Я мечтал издать миниатюру, чтобы вложить ее в ладонь. В ее ладонь... Не в том дело, что этот чахлый ублюдок украл рукопись. Как, кстати, это ему удалось? Ладно, черт с ним и с книгой тоже...

Но он лишил меня возможности хоть на шаг приблизиться к моей мечте, вот что меня подкосило. Лишил надежды на продолжение жизни... Именно про такой и говорят: перекрыл кислород. Дышать больше нечем».

Он не лукавил, хотя в физическом смысле дыхание все еще было с ним. Таня не позволила ему прерваться... Ему по-прежнему хотелось спать, и уже под утро проснулся голод, и затекающие мышцы требовали сменить положение. Но Никита больше не чувствовал в себе той жажды жизни, того веселого кипения крови, которое еще два месяца назад позволяло ему наслаждаться каждым днем.

Он повторил то, до чего додумался в больнице: «Я наказан за то, что совершил, хоть мысленное, но все же прелюбодеяние». Это открытие уже не пугало его и не вызывало в душе раскаяния. Когда ты уже мертв, поздно каяться... Никита догадывался: он повторяет это так часто лишь потому, что не может поверить, что это — грех. Лина и грех находились в разных плоскостях не только его сознания, но и всего мироздания, в котором с каждым годом обнаруживалось все больше изъянов. Вот только одно не могло измениться, сколько бы лет ни прошло.

Ему не нужно было самому себе открывать глаза на то, что Лина, хоть и пианистка, но в остальном — обычная женщина. И она также зевает по утрам, и у нее бывают и насморк, и кишечные расстройства, и дурное настроение. Все это Никита принял сразу же, потому что всегда был нормальным, здоровым человеком. И даже сам о себе не знал того, что способен сойти с ума. Он уснул с уверенностью, что теперь совершенно здоров и что здоровье это совершенно ему не нужно.

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

То, как именно Никита уснул, даже нельзя было определить расхожей фразой — «провалился в сон», ведь это уже предполагает хотя бы подобие действия. Он же не почувствовал ничего. Кто-то сглотнул несколько часов, и наступило утро. Очнулся Никита с мыслью, которую не прервало временное беспамятство: «Даже если это утро будет трехтысячным, оно нисколько не приблизит меня к Лине...»

Теперь, когда рассудок его вынудили проявиться, а тело упорно продолжало двигаться, утомляться и чего-то желать, ему предстояло научиться жить с этой мыслью. Хотя он никак не понимал: зачем? Все, чем он был поглощен последние три года, все, о чем он думал и чего хотел, оказалось так или иначе связано с Линой. С надеждой приблизиться... просто приблизиться к этой женщине. Хоть когда-нибудь... Теперь Никита не находил о чем думать, на что надеяться, чем жить.

Он ни на минуту не забывал, что в эти три года произошло много важного для него и никак не связанного с Линой. Дочка окончила начальную школу. Он защитил кандидатскую. Таня стала руководителем своего ансамбля пластического танца, который так и называли «Пласт». На самом деле это и составляло реальную жизнь, но высший ее смысл заключался в том, что на свете существует Лина. Но это было Никитиной святой тайной, ведь, кроме товарищей по «Богеме», никто не знал даже о том, что Никита Ушаков пишет стихи.

Почему он так болезненно скрывал свое творчество? На их кафедре истории культуры было несколько сочинителей, и ни один не отказывался почитать вслух за праздничным столом, со-

ставленным из нескольких студенческих. Никита о таком и помыслить не мог. У него начинало выскакивать сердце, и холодом сводило руки, стоило ему лишь мельком представить, что он может вот так же подняться с рюмкой в руке и вместо какого-нибудь дурацкого веселого тоста прочесть те строки, которые на самом деле были и не стихами даже, а безудержным стоном, который каким-то чудом удавалось передавать знаками и наносить на бумагу...

И почему он не боялся этого в «Богеме», их чердачном... клубе — не клубе, студии — не студии?.. А оказалось, что скрываться следовало как раз от тех, кого Никита считал чуть ли не братьями. Родных у него не было, только сестра, которая к тому же была моложе на несколько лет, а ему всегда хотелось испытать теплоту братства. Теперь он чаще вспоминал о Каине с Авелем...

Отмахиваясь от запоздалых сожалений, как от оголтелых комарих, Никита вышел из комнаты и увидел отца там, где и ожидал: на кухне в окружении кошек. Все, кроме него самого, чинно завтракали из маленьких пластмассовых блюдец, расставленных по полу в шахматном порядке. На Никиту никто не обратил особого внимания, только две самые тощие, видимо, не так давно вышедшие из городских джунглей, стали нервно оглядываться, угрожающе подергивая хвостами.

— Привет, пап, — сказал он как ни в чем не бывало, по лицу отца мгновенно угадав, что и тот собирается вести себя как ни в чем не бывало. — Очередная партия вдов и сирот? Как ты ухитришься изловить такую ораву?

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

— Он издевается, господа! — объявил отец. — Да я уже не знаю, куда от них прятаться! У них же нюх, как у доберманов. Так и лезут со всех сторон...

Это было неправдой, и они оба это знали, но у Никиты не возникло ни малейшего желания уличить отца. Его невероятно трогали эти попытки прикрыть свою тоску старческим брюзжанием.

— От тебя вкусно пахнет, вот они и дуреют, — заметил он и заглянул в стоявшую на плите кастрюлю. — Овсянка? Ты кормишь кошек одной овсянкой? И они так лопают? Наверное, я чего-то не понимаю в этой жизни.

Отец степенно отозвался:

— Наверное, многого. Это завтрак английских принцесс.

— В Англии сейчас только одна принцесса, насколько я знаю.

— Всего? А нас еще смеют называть слаборазвитой страной! У нас с десятков принцесс на каждой помойке, — он любовно оглядел подрагивающие от спешки спинки. — Смотри, какая грация! А ведь все родились где-нибудь под расшатанным забором. Так что происхождение — это...

Не слушая, о чем говорит отец, Никита пробормотал:

— У тебя не осталось ни одного темного волоса...

Отец оглянулся, но с ответом помедлил. У него была большая голова и большие, почти черные, глаза, но все остальное выглядело мелковатым. Никита помнил, что уже лет с тринадцати гордился тем, что перерос отца. Теперь он никакой гордости не испытывал. Ему было жаль, что больше нельзя забраться к отцу на колени и выплакаться вволю, чтобы скопившееся горе опять не свело с ума...

— Мне ведь за шестьдесят, — негромко напомнил отец и отчего-то отвел глаза.

Никита сразу вспомнил то, к чему еще не успел привыкнуть: он и сам посидел в больнице.

— Говорят, ранняя седина от избытка кальция, — улыбнулся он.

— Правда? — подхватил отец. — Тогда это у нас, похоже, наследственное.

— Это? А я подозревал, что другое.

Быстро наклонившись, Никита схватил за хвост кошку с самой простонародной полосатой шкуркой и легонько потянул к себе. Тренированные уличными боями, лапы мгновенно растопырились, и кошка отчаянно заскребла когтями линолеум, пытаясь удержаться возле миски.

— Господа, у моего сына атрофировался мозг, — невозмутимо сообщил отец. — Она же отомстит. Это тебе не собака.

— Думаешь, они все мстят, когда обидишь? — Никита продолжал удерживать в кулаке гибкий сильный хвост, хотя думал уже не о животных.

Отец отозвался так, будто понял его:

— Может, и не все... Но если хотя бы одной из них вздумается это сделать, тебе мало не покажется.

Разжав руку, Никита осторожно погладил серый мех, под которым волнами прокатывалось раздражение. Ему показалось, что кошка отторгает его.

Он оставил ее в покое и опять заглянул в кастрюлю, на дне которой оставалось немного каши. Она сбилась жалким комочком и зябко соохлась сверху, но Никита все равно спросил:

— Можно я доем? Желудок уже сам себя пожирать начал. Это, наверное, от таблеток.

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

— Да ради бога! — откликнулся отец, ничуть не смутившись, что сын, который был вроде как у него в гостях, выпрашивает остатки кошачьего завтрака.

Достав ложку из того ящика, где они лежали и тридцать лет назад, Никита почерпнул побольше прямо из кастрюли и набил полный рот. Каша оказалась еще теплой, только совсем не сладкой.

— А зачем кошкам сахар? — удивился отец. — Они и так прекрасно обходятся.

— Но я-то не кошка! Мог бы и предупредить. Я б хоть сверху посыпал...

В ответ прозвучало наставительное:

— Сладкое вредно.

«А зачем мне себя беречь?» — подумал Никита без отчаяния и надрыва, почти равнодушно, ведь у него было время принять то, что он больше не напишет стихи, не пойдет на школьный концерт, не увидит Лину... Эти действия не совершали миллионы людей и были при этом довольны своей жизнью, Никита понимал это, только никак не мог уяснить: зачем нужна такая жизнь?

— Дело ведь не только в книге? — макая в чашку с кипятком пакетик чая, спросил отец.

Не поверив, что он заговорил об этом, Никита привычно переспросил:

— Что-что?

— Не из-за книги же ты... заболел, — упорно высматривая что-то на дне чашки, уточнил отец. — Помнится, ты никогда и не собирался быть поэтом. Ты ведь не к изданию стремился, правда?

Облизав ложку, Никита бросил ее в кастрюлю. Кошек так и придавил к полу этот резкий металлический звук. Их головы, мгновенно ставшие плоски-

ми от того, что разом прижались уши, повернулись, как у солдат по команде: «Равняйся!» Но стоило Никите заговорить, как они с прежней обстоятельностью принялись за еду.

— Это шито белыми нитками? — спросил он.

Отец опять отвел взгляд:

— Для кого как... Таня вряд ли что-нибудь разглядела. Ей не хочется этого видеть.

— А Васька?

О сестре он помнил все это время, но спросил только сейчас. На самом деле ее звали Василисой — родителям нравились протяжные, былинные имена. Но Никита прозвал ее Васькой, по-своему, с детской нелогичностью протестуя против того, что его одарили сестрой, а не братом. Его утешало лишь то, что в Ваське оказалось очень мало девчоночьего. Ее черные волосы с рождения торчали «ежиком», а глаза были вытарашены от непроходящего изумления: «Как же много можно натворить в этом мире!» Она росла шкодливой и вместе с тем ленивой, Никите приходилось делать за нее уроки и отыскивать в школе потерянную «сменку». Разозлившись, он мог дать ей затрещину, но другим не позволял и пальцем тронуть свою сестру. Пять лет разницы не укрепляли их дружбы, но и не мешали любви.

«Ва-аська, — протянул он про себя. — Вот тебя я хочу увидеть...»

— С Василисой мы этого не обсуждали, — ответил отец тоном, слишком нейтральным для того, чтобы можно было в это поверить.

Только усмехнувшись, Никита опять спросил о сестре:

— Своего уroda она еще не выгнала?

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

— Он не урод, — возразил отец. — Только голова квадратная, а так ничего... И потом, если кто кого и мог выгнать в такой ситуации, так это он ее.

Никита сердито хмыкнул:

— Кто мог подумать, что Васька сама полезет в золотую клетку?!

— Может, изнутри она кажется дворцом... Кто не мечтал о собственном дворце? Давно мы с тобой там не были.

— Я и не собираюсь!

— Теперь это ее дом. Ты не имеешь права презирать ее выбор.

— Как ты правильно заговорил, — поморщился Никита. — Почему это я не имею права?

Выбросив измученный пакетик с заваркой, отец все также внушительно произнес:

— Потому что это — ее выбор. Свой презирай сколько угодно. Ты вот ешь овсянку прямо из кастрюли, и тебя это не унижает...

— А ее?!

Он так и захлебнулся всем, что нахлынуло, протестуя и защищая Ваську. Ведь она не могла забыть, как однажды мать увезли с кровотечением в больницу, а отец ни о ком не мог думать в тот день, кроме нее, и они с Васькой с голодухи съели кошачью похлебку, которую обычно готовили на несколько дней. Не раз они перекусывали немытым щавелем и заячьей капустой. Забравшись на черемуху, прямо зубами срывали с веток ягоды, а теперь, по словам отца, выходило, будто Ваську все это унижало, и она только того и ждала, чтобы кто-нибудь вытащил ее из нищеты и усадил за дубовый стол, уставленный серебром.

Понимая, что это несправедливо по отношению к отцу, Никита все же сказал:

— Ты ее просто не знаешь.

Гораздо более справедливым ему казалось спасти Ваську от того образа, который на нее натягивали. Не со зла, конечно, к тому же она сама дала повод думать, что он может ей понравиться. Но как бы то ни было, Никита не мог позволить настолько изуродовать свою сестру.

Отец приподнял брови, одна из которых уже начала сесть, а другая оставалась черной:

— Может, Васька и сама себя еще не знает.

«А кто знает?» — подумал Никита, и в тот же момент отец, уловив его мысль, спросил:

— Вот ты знаешь себя?

— Спрашивай-спрашивай, — кивнул Никита. — Ты ведь хочешь узнать что-то более... конкретное?

— Ладно... У тебя... О господи! — вскричал он, пытаясь побороть смущение. — Как мне разговаривать об этом с собственным сыном?

— У меня... Что?

— У тебя появилась... Кто? Ну, не знаю... Подруга? Любовница? Как вы теперь это называете?

— Нет, — не мешкая, отозвался Никита. — У меня нет любовницы.

«Почему я так упорно таюсь от отца? — мелькнуло в голове. — Он ведь меня не выдаст...»

— И ты не собираешься разводиться? — превозмогая неловкость, уже выступившую испариной на крыльях носа, продолжал допытываться отец.

Пришлось повторить еще раз:

— Нет. — И внезапно решившись, Никита добавил: — Хотя так оказалось бы лучше.

— Кому? Тане? Муське?

— Мне, — откровенно сказал Никита и попытался выдержать его взгляд. — Только мне.